

Н. С. ЛѢСКОВЪ.

СТАЛЬНАЯ БЛОХА.

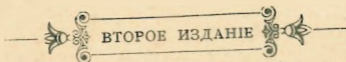
СКАЗЪ О ТУЛЬСКОМЪ ЛѢВШѢ

и

О СТАЛЬНОЙ БЛОХѢ.

(Деховая легенда)

Съ рисунками въ текстѣ Н. Н. Каразина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1894.

Издатель Визулетовъ

100664

2166

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 ноября 1893 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

не могу сказать: идѣ именно родилась первая заводка багнословія о стальной блохѣ, — т-е., завелась ли она въ Туль, на Ижмѣ или въ Сестрорѣцкѣ, но очевидно она пошла изъ одного изъ этихъ мѣстъ. Во всякомъ случаѣ сказъ о стальной блохѣ есть специально оружейничья легенда, и она выражаетъ собою гордость русскихъ мастеровъ ружейнаго дѣла.

Въ ней изображается борьба нашихъ мастеровъ съ англійскими мастерами, изъ которой наши вышли побѣдоносно и анличанъ совершенно посрамили и унизили. Здѣсь же выясняется нѣкоторая секретная причина военныхъ неудачъ въ Крыму. Я записалъ эту легенду въ Сестрорѣцкѣ по тамошнему сказу отъ стараго оружейника, тульскаго выходца, переселившагося на Сестру-рѣку еще въ царствованіе императора Александра Перваго. Разказчикъ два года тому назадъ *) былъ еще въ добрыхъ силахъ и въ свѣжей памяти; онъ охотно вспоминалъ старину, очень чествовалъ государя Николая Павловича, жилъ «по старой вѣрѣ», читалъ божественныя книги и разводилъ канареекъ. Люди къ нему относились съ почетомъ.

*) (1881 г.)

I.

Когда императоръ Александръ Павловичъ окончилъ вѣнскій совѣтъ, то онъ захотѣлъ по Европѣ проѣздиться и въ разныхъ государствахъ чудесъ посмотреть. Обѣздилъ онъ всѣ страны и вездѣ черезъ свою ласковость всегда имѣлъ самые междоусобные разговоры со всякими людьми, и всѣ его чѣмъ-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотѣли; но при немъ былъ донской казакъ Платовъ, который этого склоненія не любилъ и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манилъ. И чуть если Платовъ замѣтитъ, что государь чѣмъ-нибудь иностраннымъ очень

интересуется, то всѣ провожатые молчатъ, а Платовъ сейчасъ скажетъ: такъ и такъ, и у насъ дома свое не хуже есть, — и чѣмъ-нибудь отведеть.

Англичане это знали, и къ прїѣзду государеву выдумали разныя хитрости, чтобы его чужестранностью плѣнить и отъ русскихъ отвлечь, и во многихъ случаяхъ они этого достигали, особенно въ большихъ собраніяхъ, гдѣ Платовъ не могъ по-французски вполнѣ говорить; но онъ этимъ мало и интересовался, потому что былъ человѣкъ женатый и всѣ французскіе разговоры считалъ за пустяки, которые не стоятъ воображенія. А когда англичане стали звать государя во всякіе свои цейгаузы, оружейные и мыльно-пильные заводы, чтобы показать свое надъ нами во всѣхъ вещахъ преимущество и тѣмъ славиться, — Платовъ сказалъ себѣ:

— Ну, ужъ тутъ шабашъ. До сихъ

поръ еще я терпѣлъ, а дальше нельзя. Съумѣю я или не съумѣю говорить, а своихъ людей не выдамъ.

И только онъ сказалъ себѣ такое слово, какъ государь ему говоритъ:

— Такъ и такъ, завтра мы съ тобою ѣдемъ ихъ оружейную кунтскамеру смотрѣть. Тамъ, говоритъ, такія природы совершенства, что какъ посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русскіе, со своимъ значеніемъ никуда не годимся.

Платовъ ничего государю не отвѣтилъ, только свой грабоватый носъ въ лохматую бурку спустилъ, а пришелъ въ свою квартиру, велѣлъ деньщику подать изъ погребца фляжку кавказской водки, — кислярки *), дерябнулъ хорошій стаканъ, на дорожній складень Богу помолился, буркой укрылся и захрапѣлъ такъ, что

*) Кизлярки.

во всемъ домѣ англичанамъ никому спать
нельзя было.

Думалъ: утро ночи мудренѣе.

II.

На другой день поѣхали государь съ Платовымъ въ кунтскамеры. Больше государь никого изъ русскихъ съ собою не взялъ, потому что карету имъ подали двухсѣстную.

Приѣзжаютъ въ пребольшое зданіе, — подъѣздъ неописанный, коридоры до безконечности, а комнаты одна въ одну, и наконецъ въ самомъ главномъ залѣ разные громадные бюсты и по срединѣ подь валдахиномъ стоитъ Аболонъ полведерскій.

Государь оглядывается на Платова: очень ли онъ удивленъ и на что смотритъ; а тотъ идетъ глаза опустивши, какъ будто ничего не видитъ, — только изъ усовъ кольца вьетъ.

Англичане сразу стали показывать разные удивленія и пояснять, что къ чему у нихъ приноровлено для военныхъ обстоятельствъ; буреметры морскіе, мерблюзьи мантоны пѣшихъ полковъ, а для конницы смолевые непромокабли. Государь на все это радуется, — все кажется ему очень хорошо, а Платовъ держитъ свою аждацію, что для него все ничего не значитъ.

Государь говоритъ: — Какъ это возможно — отчего въ тебѣ такое безчувствіе? Неужто тебѣ здѣсь ничто не удивительно?

А Платовъ отвѣчаетъ:

— Мнѣ здѣсь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы безъ всего этого воевали и дванадесять языкъ прогнали.

Государь говоритъ: — Это безразсудокъ.

Платовъ отвѣчаетъ:

— Не знаю, къ чему отнести, но спорить не смѣю и долженъ молчать.

А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчас подвели его къ самому Аболону полведерскому и берутъ у того изъ одной руки Мортимерово ружье, а изъ другой пистолю.

— Вотъ, — говорятъ, — какая у насъ производительность! — и подають ружье.

Государь на Мортимерово ружье по-смотрѣль спокойно, потому что у него

такія въ Царскомъ Селѣ есть; а они потомъ даютъ ему пистолю и говорятъ:

— Это пистоля неизвѣстнаго, неподражаемаго мастерства, — ее нашъ адмиралъ у разбойничьяго атамана въ Кандеабрии изъ-за пояса выдернулъ.

Государь взглянулъ на пистолю и наглядѣться не можетъ.

Взахался ужасно.

— Ахъ, ахъ, ахъ, — говоритъ: — какъ это такъ... какъ это даже можно такъ тонко сдѣлать! — И къ Платову по-русски оборачивается и говоритъ: — Вотъ еслибы у меня былъ хотя одинъ такой мастеръ въ Россіи, такъ я бы этимъ весьма счастливый былъ и гордился, а того мастера сейчасъ же благороднымъ бы сдѣлалъ.

А Платовъ на эти слова въ ту же минуту опустилъ правую руку въ свои большія шаровары и тащитъ оттуда ружейную отвертку. Англичане говорятъ: — Это не отворяется! — а онъ, вниманія не

обращая, ну замокъ ковырять. Повернулъ разъ, повернулъ два,—замокъ и вынулся. Платовъ показываетъ государю собачку, а тамъ на самомъ сугибѣ сдѣлана русская надпись: «Иванъ Москвинъ во градѣ Тулѣ».

Англичане удивляются и другъ дружку поталкиваютъ:

— Охъ, де, мы маху дали!

А государь Платову грустно говоритъ:

— Зачѣмъ ты ихъ очень сконфузилъ! мнѣ ихъ теперь очень жалко. Поѣдемъ.

Сѣли опять въ ту же двухсѣстную карету и поѣхали, и государь въ этотъ день на балѣ былъ, а Платовъ еще бѣльшій стаканъ кислярки высушилъ и спалъ крѣпкимъ казачьимъ сномъ.

Было ему и радостно, что онъ англичанъ оконфузилъ, а тульскаго мастера на точку вида поставилъ, но было и досадно: зачѣмъ государь подъ такой случай англичанъ сожалѣлъ!

«Черезъ что это государь огорчился?— думалъ Платовъ,— совсѣмъ того не по-

нимаю!»—и въ такомъ разсужденіи онъ два раза вставалъ, крестился и водку пилъ, пока насильно на себя крѣпкій сонъ навелъ.

А англичане въ это самое время тоже не спали, потому что и имъ заvertѣло. Пока государь на балѣ веселился, они ему такое новое удивленіе подстроили, что у Платова всю фантазію отняли.

III.

На другой день, какъ Платовъ къ государю съ добрымъ утромъ явился, тотъ ему и говоритъ:

— Пусть сейчасъ заложать двухсѣстную карету и поѣдемъ въ новыя кунтскамеры смотрѣть.

Платовъ даже осмѣлился доложить, что не довольно ли, молъ, чужеземные продукты смотрѣть, и не лучше ли къ себѣ въ Россію собираться; но государь говоритъ:

— Нѣтъ, я еще желаю другія новости видѣть: мнѣ хвалили, какъ у нихъ первый сортъ сахаръ дѣлаютъ.

Поѣхали.

Англичане все государю показываютъ: какіе у нихъ разные первые сорта, а Платовъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, да вдругъ говоритъ:

— А покажите-ка намъ вашихъ заводовъ сахаръ *молво*?

А англичане и не знаютъ: что это такое «молво»? Перешептываются, перемигиваются, твердятъ другъ дружкѣ: «молво, молво», а понять не могутъ, что это у насъ такой сахаръ дѣлается, и должны сознаться, что у нихъ всѣ сахара есть, а «молва» нѣтъ.

Платовъ говоритъ:

— Ну, такъ и нечѣмъ хвастаться. Приѣзжайте къ намъ, мы васъ напоимъ чаемъ съ настоящимъ молво Бобринскаго завода.

А государь его за рукавъ дернулъ и тихо сказалъ:

— Пожалуйста, не портъ мнѣ политики.

Тогда англичане позвали государя въ самую послѣднюю кунтскамеру, гдѣ у нихъ со всего свѣта собраны минеральные камни и нимфозоріи, начиная съ

самой огромнѣйшей египетской керамиды до закожной блохи, которую глазамъ видѣть невозможно, а угрызеніе ея между кожей и тѣломъ.

Государь поѣхалъ.

Осмотрѣли керамиды и всякія чучелы, и выходятъ вонъ, а Платовъ думаетъ себѣ:

«Вотъ, слава Богу, все благополучно — государь ничему не удивляется».

Но только пришли въ самую послѣднюю комнату, а тутъ стоятъ ихъ рабочіе въ тужурныхъ жилеткахъ и въ фартукахъ и держатъ поднось, на которомъ ничего нѣтъ.

Государь вдругъ и удивился, что ему подають пустой поднось.

— Что́ это такое значить? — спрашиваетъ; а англицкіе мастера отвѣчаютъ:

— Это вашему величеству наше покорное поднесеніе.

— Что́ же это?

— А вотъ, говорятъ, изволите видѣть сориночку?

Государь посмотрѣлъ и видитъ: точно, лежитъ на серебряномъ подносѣ самая крошечная соринка.

Работники говорятъ:

— Извольте пальчикъ послюнить и ее на ладошку взять.

— На что же мнѣ эта соринка?

— Это, отвѣчаютъ, не соринка, а нимфозорія.

— Живая она?

— Никакъ нѣтъ, — отвѣчаютъ: — не живая, а изъ чистой изъ аглицкой стали въ изображеніи блохи нами выкована и въ серединѣ въ ней заводъ и пружина. Извольте ключикомъ повернуть: она сейчасъ начнетъ дансе танцовать.

Государь залюбопытствовалъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ же ключикъ?

А англичане говорятъ: — Здѣсь и ключъ передъ вашими очами.

— Отчего же, — государь говоритъ, — я его не вижу?

— Потому, — отвѣчаютъ, — что это надо въ мелкоскопъ.

Подали мелкоскопъ, и государь увидѣлъ, что возлѣ блохи дѣйствительно на подносѣ ключикъ лежитъ.

— Извольте, — говорятъ, — взять ее на ладошечку; у нея въ пузичкѣ заводная дырка, а ключъ семь поворотовъ имѣетъ, и тогда она пойдетъ тансе.

Насилу государь этотъ ключикъ ухватилъ и насилу его въ щепоткѣ могъ удержать, а въ другую щепотку блошку взялъ, и только ключикъ вставилъ, какъ почувствовалъ, что она начинаетъ усиками водить, потомъ ножками стала

перебирать, а наконецъ вдругъ прыгнула и на одномъ лету прямое дансе и двѣ вѣрояціи въ сторону, потомъ въ другую, и такъ въ три вѣрояціи всю кавриль станцевала.

Государь сразу же велѣлъ англичанамъ милліонъ дать—какими сами захотятъ деньгами: хотятъ — серебряными пяточками, хотятъ — мелкими ассигнаціями.

Англичане попросили, чтобы имъ серебромъ отпустили, потому что въ бумажкахъ они толку не знаютъ; а потомъ сейчасъ и другую свою хитрость показали: блоху въ даръ подали, а футляра на нее не принесли; безъ футляра же ни ея, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются и въ сору ихъ такъ и выбросятъ. А футляръ на нее у нихъ сдѣланъ изъ цѣльнаго брилліантоваго орѣха—и ей мѣстечко въ серединѣ выдавлено. Этого они не подали,

потому что футляръ, говорятъ, будто казенный, а у нихъ насчетъ казеннаго строго: хоть и для государя — нельзя жертвовать.

Платовъ, было, очень разсердился, потому что, говорить: для чего такое мошенничество! даръ сдѣлали и миллионъ за то получили, и все еще недостаточно! Футляръ, говорить, всегда при всякой вещи принадлежитъ.

Но государь говорить: — Оставь, пожалуйста, это не твое дѣло, — не портъ мнѣ политики. У нихъ свой обычай! — И спрашиваетъ: — Сколько тотъ орѣхъ стоитъ, въ которомъ блоха мѣстится?

Англичане положили за это еще пять тысячъ

Государь Александръ Павловичъ сказалъ: «выплатить», а самъ спустилъ блошку въ этотъ орѣшекъ, а съ нею вмѣстѣ и ключикъ; а чтобы не потерять самый орѣхъ, опустилъ его въ свою

золотую табакерку, а табакерку велѣлъ положить въ свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана преламутомъ и рыбьей костью. Аглицкихъ же мастеровъ государь съ честью отпустилъ и сказалъ имъ: — Вы есть первые мастера на всемъ свѣтѣ и мои люди супротивъ васъ сдѣлать ничего не могутъ.

Тѣ остались этимъ очень довольны, а Платовъ ничего противъ словъ государя произнести не могъ. Только взявъ мелкоскопъ, да, ничего не говоря, себѣ въ карманъ спустилъ, потому что онъ сюда же, говоритъ, принадлежитъ, а денегъ вы и безъ того у насъ много взяли.

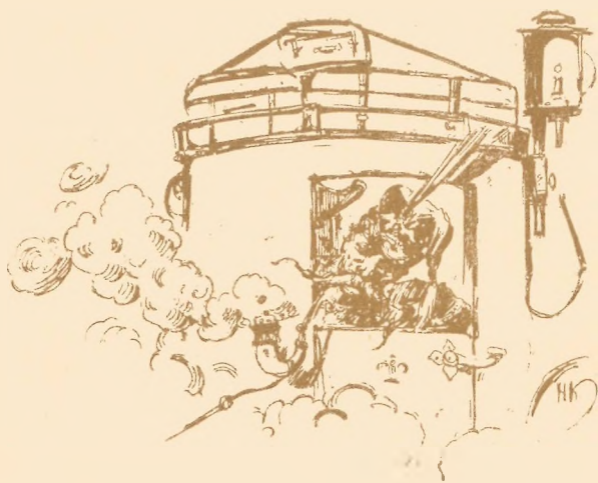
Государь этого не зналъ до самаго приѣзда въ Россію, а уѣхали они скоро, потому что у государя отъ военныхъ дѣлъ сдѣлалась меланхолія, и онъ захотѣлъ духовную исповѣдь имѣть въ

Таганрогѣ у попа Ѳедота *). Дорогой у нихъ съ Платовымъ очень мало пріятнаго разговора было, потому они совсѣмъ разныхъ мыслей сдѣлались: государь такъ соображалъ, что англичанамъ нѣтъ равныхъ въ искусствѣ, а Платовъ доводилъ, что и наши на что взглянуть—все могутъ сдѣлать, но только имъ полезнаго ученья нѣтъ. И представлялъ государю, что у англицкихъ мастеровъ совсѣмъ на все другія правила жизни, науки и удовольствія, и каждый человекъ у нихъ себѣ всѣ абсолютныя обстоятельства передъ собою имѣетъ, и черезъ то въ немъ совсѣмъ другой смыслъ.

Государь этого не хотѣлъ долго слу-

*) «Попъ Ѳедотъ» не съ вѣтра взять: императоръ Александръ Павловичъ передъ своею кончиною въ Таганрогѣ исповѣдывался у священника Алексѣя Ѳедотова-Чеховскаго, который послѣ того именовался «духовникомъ его величества» и любилъ ставить всѣмъ на видъ это совершенно случайное обстоятельство. Вотъ этотъ-то Ѳедотовъ-Чеховской очевидно и есть легендарный «попъ Ѳедотъ».

шать, а Платовъ на каждой станціи выйдетъ и съ досады квасной стаканъ водки выпьетъ, соленымъ бараночкомъ закуститъ, закуритъ свою корешковую

трубку, въ которую сразу цѣлый фунтъ Жукова табаку входило, а потомъ сядетъ и сидитъ рядомъ съ царемъ въ каретѣ молча. Государь въ одну сторону глядитъ, а Платовъ въ другое окно чу-

букъ высунеть и дымить на вѣтеръ. Такъ они и доѣхали до Петербурга, а къ попу Ѳедоту государь Платова уже совсѣмъ не взялъ.

— Ты,—говорить,—къ духовной бесѣдѣ невоздержень и такъ очень много куришь, что у меня отъ твоего дыму въ головѣ копотъ стоитъ.

Платовъ остался съ обидою и легъ дома на досадную укушетку, да такъ все и лежалъ да покуривалъ Жуковъ табакъ безъ перестачи.

IV.

Удивительная блоха изъ аглицкой вороненой стали оставалась у Александра Павловича въ шкатулкѣ подъ рыбьей костью, пока онъ скончался въ Таганрогѣ, отдавъ ее попу Ѳедоту, чтобы сдать послѣ государынѣ, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексѣевна посмотрѣла блохины вѣрояціи и усмѣхнулась, но заниматься ею не стала.

— Мое, — говоритъ, — теперь дѣло вдовье, и мнѣ никакія забавы не оболстительны, — а вернувшись въ Петербургъ, передала эту диковину со всѣми иными драгоценностями въ наслѣдство новому государю.

Императоръ Николай Павловичъ по началу тоже никакого вниманія на блоху не обратилъ, потому что при восходѣ его было смятеніе; но потомъ одинъ разъ сталъ пересматривать доставшуюся ему отъ брата шкатулку и досталъ изъ нея табакерку, а изъ табакерки бриллиантовый орѣхъ и въ немъ нашель стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не дѣйствовала, а лежала смирно, какъ коченѣлая.

Государь посмотрѣлъ и удивился.

— Что это еще за пустяковина и къ чему она тутъ у моего брата въ такомъ сохраненіи!

Придворные хотѣли выбросить, но государь говоритъ:

— Нѣтъ,—это что-нибудь значить.

Позвали отъ Аничкина моста изъ противной аптеки химика, который на самыхъ мелкихъ вѣсахъ яды взвѣшивалъ, и ему показали, а тотъ сейчасъ взялъ

блоху, положилъ на языкъ и говоритъ: «чувствую хладъ, какъ отъ крѣпкаго металла». А потомъ зубомъ ее слегка помялъ и объявилъ:

— Какъ вамъ угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозорія, и она сотворена изъ металла, и работа эта не наша, не русская.

Государь велѣлъ сейчасъ разузнать: откуда это и что такое означаетъ?

Бросились смотрѣть въ дѣла и въ списки—но въ дѣлахъ ничего не записано. Стали того, другого спрашивать—никто ничего не знаетъ. Но, по счастью, донской казакъ Платовъ былъ еще живъ и даже все еще на своей досадной укушеткѣ лежалъ и трубку курилъ. Онъ какъ услыхалъ, что во дворцѣ такое безпокойство, сейчасъ съ укушетки поднялся, трубку бросилъ и явился къ государю во всѣхъ орденахъ. Государь говоритъ:

— Что тебѣ, мужественный старикъ, отъ меня надобно?

А Платовъ отвѣчаетъ:

— Мнѣ, ваше величество, ничего для себя не надо, такъ какъ я пью, ѣмъ, что хочу, и всѣмъ доволенъ, а я,—говорить,—пришелъ доложить на счетъ этой нимфозоріи, которую отыскали: это,—говорить,—такъ и такъ было, и вотъ какъ происходило при моихъ глазахъ въ Ан-

гли, — и тутъ при ней есть ключикъ, а у меня есть ихъ же мелкоскопъ, въ который можно его видѣть, и симъ ключомъ черезъ пузичко эту нимфозорію

можно завести, и она будетъ скакать, въ какомъ угодно пространствѣ, и въ стороны вѣрояціи дѣлать.

Завели—она и пошла прыгать, а Платовъ говоритъ:

— Это,—говорить,—ваше величество, точно что работа очень тонкая и интересная, но только намъ этому удивляться съ однимъ восторгомъ чувствъ не слѣдуетъ, а надо бы подвергнуть ее русскимъ пересмотрамъ въ Тулѣ или въ Сестербекѣ, — тогда еще Сестрорѣцкѣ Сестербекомъ звали,—не могутъ ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане надъ русскими не предвозвышались.

Государь Николай Павловичъ въ своихъ русскихъ людяхъ былъ очень увѣренный и никакому иностранцу уступить не любилъ,—онъ и отвѣтилъ Платову:

— Это ты, мужественный старикъ, хорошо говоришь, и я тебѣ это дѣло поручаю повѣрить. Мнѣ эта коробочка, все равно, теперь при моихъ хлопотахъ не нужна, а ты возьми ее съ собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поѣзжай на тихій Донъ и поведи тамъ съ моими донцами между-

усобные разговоры насчетъ ихъ жизни и преданности, и что имъ нравится? А когда будешь ѣхать черезъ Тулу, покажи моимъ тульскимъ мастерамъ эту нимфозорію, и пусть они объ ней подумаютъ. Скажи имъ отъ меня, что братъ мой этой вещи удивлялся и чужихъ людей, которые дѣлали нимфозорію, больше всѣхъ хвалилъ, а я на своихъ надѣюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронятъ и что-нибудь сдѣлаютъ.

V.

Платовъ взялъ стальную блоху и, какъ поѣхалъ черезъ Тулу на Донъ, показалъ ее тульскимъ оружейникамъ и слова государевы имъ передалъ, а потомъ спрашиваетъ:

— Какъ намъ теперь быть, православные?

Оружейники отвѣчаютъ:

— Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуемъ и никогда его забыть не можемъ за то, что онъ на своихъ людей надѣется; а какъ намъ въ настоящемъ случаѣ быть, того мы въ одну минуту сказать не можемъ, потому что англицкая нация тоже не глупая, а

довольно даже хитрая, и искусство въ ней съ большимъ смысломъ. Противъ нея, говорятъ, надо взяться подумавши и съ Божьимъ благословеніемъ. А ты если, твоя милость, какъ и государь нашъ, имѣешь къ намъ довѣріе, поѣзжай къ себѣ на тихій Донъ, а намъ эту блошку оставь, какъ она есть, въ футлярѣ и въ золотой царской табакерочкѣ. Гуляй себѣ по Дону и заживляй раны, которыя пріялъ за отечество; а когда назадъ будешь черезъ Тулу ѣхать — остановись и спосылай за нами: мы къ той порѣ, Богъ дастъ, что-нибудь придумаемъ.

Платовъ не совсѣмъ доволенъ былъ тѣмъ, что туляки такъ много времени требуютъ, и при томъ не говорятъ ясно: что такое именно они надѣются устроить. Спрашивалъ онъ ихъ такъ и иначе и на всѣ манеры съ ними хитро по-донски заговаривалъ; но туляки ему въ хитрости

ни мало не уступили, потому что имѣли они сразу же такой замыселъ, по которому не надѣялись даже, чтобы и Платовъ имъ повѣрилъ, а хотѣли прямо свое смѣлое воображеніе исполнить, да тогда и отдать.

Говорятъ:—Мы еще и сами не знаемъ, что учинимъ, а только будемъ на Бога надѣяться, и авось слово царское ради насъ въ постыжденіи не будетъ.

Такъ—и Платовъ умомъ виляетъ, и туляки тоже.

Платовъ вилялъ, вилялъ да и увидалъ, что туляка ему не перевилятъ, подалъ имъ табакерку съ нимфозоріей и говоритъ:

— Ну, нечего дѣлать, пусть, — говоритъ,—будетъ по вашему; я васъ знаю, какіе вы, ну одначе дѣлать нечего, — я вамъ вѣрю, но только смотрите, бриллиантъ чтобы не подмѣнить и аглицкой тонкой работы не испортъте, да не долго

возитесь, потому что я шибко ѣзжу: двухъ недѣль не пройдетъ, какъ я съ тихаго Дона опять въ Петербургъ поворочу. Тогда мнѣ чтобъ непременно было—что́ государю показать.

Оружейники вполнѣ его успокоили:

— Тонкой работы,—говорятъ,—мы не повредимъ и брилліанта не обмѣнимъ, а двѣ недѣли намъ времени довольно, а къ тому случаю, когда назадъ возвратишься, будетъ тебѣ *что-нибудь* государеву великолѣпію достойное представить.

А *что именно*—этого такъ-таки и не сказали.

VI.

Платовъ изъ Тулы уѣхалъ, а оружейники три человекъ, самые искусные изъ нихъ, — одинъ косою лѣвшя, на щекѣ пятно родимое, а на вискахъ волосья при ученьѣ выдраны, — попрощались съ товарищами и съ своими домашними, да, ничего никому не сказывая, взяли

сумочки, положили туда что́ нужно съѣстного и скрылись изъ города.

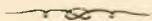
Замѣтили за ними только то, что они пошли не въ Московскую заставу, а въ противоположную Кіевскую сторону, и думали, что они пошли въ Кіевъ почивающимъ угодникамъ поклониться или посовѣтовать тамъ съ кѣмъ-нибудь изъ живыхъ святыхъ мужей, всегда пребывающихъ въ Кіевѣ въ изобиліи.

Но это было только близко къ истинѣ, а не самая истина. Ни время, ни разстояніе не дозволяли тульскимъ мастерамъ сходить въ три недѣли пѣшкомъ въ Кіевъ, да еще потомъ успѣть сдѣлать посрамительную для англицкой націи работу. Лучше бы они могли сходить помолиться въ Москву, до которой всего «два девяносто верстъ», а святыхъ угодниковъ и тамъ почиваетъ не мало. А въ другую сторону—до Орла такіе же «два девяносто», да за Орель до Кіева снова

еще добрыхъ пять сотъ верстъ. Этакого пути скоро не сдѣлаешь, да и сдѣлавши его не скоро отдохнешь, — долго еще будутъ ноги остекливши и руки трястись.

Инымъ даже думалось, что мастера набахвалили передъ Платовымъ, а потомъ какъ пообдумались, то и струсили и теперь совсѣмъ сбѣжали, унеся съ собою и царскую золотую табакерку, и бриллиантъ, и надѣлавшую имъ хлопотъ аглицкую стальную блоху въ футлярѣ.

Однако такое предположеніе было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусныхъ людей, на которыхъ теперь почивала надежда націи.

VII.

Туляки, люди умные и свѣдушіе въ металлическомъ дѣлѣ, извѣстны также какъ первые знатоки въ религіи. Ихъ славою въ этомъ отношеніи полна и родная земля, и даже святой Аѳонъ: они не только мастера пѣть съ вавилонами, но они знаютъ, какъ пишется картина «вечерній звонъ»; а если кто изъ нихъ посвятитъ себя большому служенію и пойдетъ въ монашество, то таковые слывутъ лучшими монастырскими экономами и изъ нихъ выходятъ самые способные сборщики. На святомъ Аѳонѣ

знають, что туляки—народъ самый выгодный, и если бы не они, то темные уголки Россіи навѣрно не видали бы очень многихъ святостей отдаленнаго Востока, а Аѳонъ лишился бы многихъ полезныхъ приношеній отъ русскихъ щедротъ и благочестія. Теперь «аѳонскіе туляки» обвозятъ святости по всей нашей родинѣ и мастерски собираютъ сборы даже тамъ, гдѣ взять нечего. Тулякъ полонъ церковнаго благочестія и великій практикъ этого дѣла, а потому и тѣ три мастера, которые взялись поддержать Платова и съ нимъ всю Россію, не дѣлали ошибки, направлясь не къ Москвѣ, а на югъ. Они шли вовсе не въ Кіевъ, а къ Мценску, къ уѣздному городу Орловской губерніи, въ которомъ стоитъ древняя «камнесѣченая» икона св. Николая, приплывшая сюда въ самыя древнія времена на большомъ каменномъ же крестѣ по рѣкѣ Зушѣ. Икона эта вида «грознаго

и пристрашнаго»: святитель Миръ-Ликийскихъ изображенъ на ней «въ ростъ», весь одѣянъ сребропозлащенной одеждой, а лицомъ темень и на одной рукѣ держитъ храмъ, а въ другой мечъ— «военное одолѣніе». Вотъ въ этомъ «одолѣніи» и заключался смыслъ вещи: св. Николай вообще покровитель торговаго и военнаго дѣла, а «мценскій Никола»— въ особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебенъ у самой иконы, потомъ у каменнаго креста и наконецъ возвратились домой «нощю» и, ничего никому не рассказывая, принялись за дѣло въ ужасномъ секретѣ. Сошлись они всѣ трое въ одинъ домикъ къ лѣвшѣ, двери заперли, ставни въ окнахъ закрыли, передъ Николинымъ образомъ лампадку затеплили и начали работать.

День, два, три сидятъ и никуда не выходятъ, все молоточками потюкиваютъ.

Куютъ что-то такое, а что́ куютъ—ничего неизвѣстно.

Всѣмъ любопытно, а никто ничего не можетъ узнать, потому что работающіе ничего не сказываютъ и наружу не показываются. Ходили къ домику разные люди, стучались въ двери подъ разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спросъ не отпираются, и даже чѣмъ питаются—неизвѣстно. Пробовали ихъ пугать, будто по сосѣдству домъ горитъ,—не выскочатъ ли въ перепугѣ и не объявится ли тогда, что́ ими выковано,—но ничто не брало этихъ хитрыхъ мастеровъ: одинъ разъ только лѣвша высунулся по плечи и крикнулъ:

— Горите себѣ, а намъ некогда!—и опять свою щипанную голову спряталъ, ставню захлопнулъ и за свое дѣло принялся.

Только сквозь малыя щелочки было

видно, какъ внутри дома огонекъ блеститъ, да слышно, что тонкіе молоточки по звонкимъ наковальнямъ вытюкиваютъ.

Словомъ, все дѣло велось въ такомъ страшномъ секретѣ, что ничего нельзя было узнать, и притомъ продолжалось оно до самаго возвращенія казака Платова съ тихаго Дона къ государю, и во все это время мастера ни съ кѣмъ не видались и не разговаривали.

VIII.

Платовъ ѣхалъ очень спѣшно и съ церемоніей: самъ онъ сидѣлъ въ коляскѣ, а на козлахъ два свистовые казака съ нагайками по обѣ стороны ямщика садились и такъ его и поливали безъ милосердія, чтобы скакалъ. А если какой казакъ задремлетъ, Платовъ его самъ изъ коляски ногою ткнетъ, и еще злѣе понесутся. Эти мѣры побужденія дѣйствовали до того успѣшно, что нигдѣ лошадей ни у одной станціи нельзя было удержать, а всегда сто скачковъ мимо остановочнаго мѣста перескакивали. Тогда опять казакъ надъ ямщикомъ обратно сдѣйствуетъ, и къ подѣзду возвратятся.

Такъ они и въ Тулу прикатили, — тоже пролетѣли сначала сто скачковъ дальше Московской заставы, а потомъ казакъ сдѣйствовалъ надъ ямщикомъ нагайкою въ обратную сторону, и стали у крыльца новыхъ коней запрягать. Платовъ же изъ коляски не вышелъ, а только велѣлъ свистовому какъ можно скорѣе привести къ себѣ мастеровыхъ, которымъ блоху оставилъ.

Побѣждалъ одинъ свистовой, чтобы шли какъ можно скорѣе и несли ему работу, которою должны были англичанъ посрамить, и еще мало этотъ свистовой отбѣждалъ, какъ Платовъ вдогонку за нимъ разъ за разомъ новыхъ шлетъ, чтобы какъ можно скорѣе.

Всѣхъ свистовыхъ разогналъ и сталъ уже простыхъ людей изъ любопытной публики посылать, да даже и самъ отъ нетерпѣнія ноги изъ коляски выставляетъ, и самъ отъ нетерпѣливости бѣ-

жать хочетъ, а зубами такъ и скрипитъ, — все ему еще нескоро показывается.

Такъ въ тогдашнее время все требова-

лось очень въ аккуратѣ и въ скорости, чтобы ни одна минута для русской польности не пропадала.

IX.

Тульскіе мастера, которые удивительное дѣло дѣлали, въ это время какъ разъ только свою работу оканчивали. Свистовые прибѣжали къ нимъ запыхавшись, а простые люди изъ любопытной публики, тѣ и вовсе не добѣжали, потому что съ непривычки по дорогѣ ноги разсыпали и повалилися, а потомъ отъ страха, чтобы не глядѣть на Платова, ударились домой, да гдѣ попало спрятались.

Свистовые же, какъ прискочили, сейчасъ вскрикнули, и какъ видятъ, что тѣ не отпираютъ, сейчасъ безъ церемоніи рванули болты у ставень; но болты были

такіе крѣпкіе, что нимало не подались; дернули двери, а двери изнутри заложены на дубовый засовъ. Тогда свистовые взяли съ улицы бревно, поддѣли имъ на пожарный манеръ подъ кровельную застрѣху да всю крышу съ маленькаго домика сразу и своротили. Но крышу сняли да и сами сейчасъ повалилися, потому что у мастеровъ въ ихъ тѣсной хороминкѣ отъ безотдышной работы въ воздухѣ такая потная спираль сдѣлалась, что непривычному человѣку съ свѣжаго повѣтрія и одного раза нельзя было продохнуть.

Послы закричали:

— Что же вы, такіе-сякіе, сволочи, дѣлаете, да еще такою спиралью ошибать смѣете! Или въ васъ послѣ этого Бога нѣтъ!

А тѣ отвѣчаютъ:

— Мы сейчасъ, послѣдній гвоздикъ заколачиваемъ, и какъ забьемъ, тогда нашу работу вынесемъ.

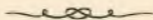
А послы говорятъ:

— Онъ насъ до того часу живьемъ съѣстъ и на поминъ души не оставитъ.

Но мастера отвѣчаютъ:

— Не успѣетъ онъ васъ поглотить, потому, вотъ, пока вы тутъ говорили, у насъ уже и этотъ послѣдній гвоздь заколоченъ. Бѣгите и скажите, что сейчасъ несемъ.

Свистовые побѣжали, но не съ увѣркою, — думали, что мастера ихъ обманутъ; а потому бѣжать, бѣжать, да оглянутся; но мастера за ними шли и такъ очень скоро поспѣшали, что даже не вполне какъ слѣдуетъ для явленія важному лицу одѣлись, а на ходу крючки въ кафтанахъ застегиваютъ. У двухъ у нихъ въ рукахъ ничего не содержалось, а у третьяго, у лѣвши, въ зеленомъ чехлѣ царская шкапулка съ англицкой стальной блохой.

Х.

Свистовые подбѣжали къ Платову и говорятъ:

— Вотъ они сами здѣсь!

Платовъ сейчасъ къ мастерамъ:

— Готово ли?

— Все, — отвѣчаютъ, — готово.

— Подавай сюда!

Подали.

А экипажъ уже запряженъ, и ямщикъ и фореиторъ на мѣстѣ. Казаки сейчасъ же рядомъ съ ямщикомъ усѣлись и нагайки надъ нимъ подняли, и такъ замахнувши и держатъ.

Платовъ сорвалъ зеленый чехоль, открылъ шкатулку, вынулъ изъ ваты золо-

тую табакерку, а изъ табакерки бриллиантовый орѣхъ, — видитъ: аглицкая блоха лежитъ тамъ какая была, а кромѣ ея ничего больше нѣтъ.

Платовъ говоритъ:

— Это что же такое? А гдѣ же ваша работа, которою вы хотѣли государя утѣшить?

Оружейники отвѣчали:

— Тутъ и наша работа.

Платовъ спрашиваетъ:

— Въ чемъ же она себя заключаетъ?

А оружейники отвѣчаютъ:

— Зачѣмъ это объяснять? Все здѣсь въ вашемъ виду, — и предусматривайте.

Платовъ плечами вздвигнулъ и закричалъ:

— Гдѣ ключъ отъ блохи?

— А тутъ же, — отвѣчаютъ: — гдѣ блоха, тутъ и ключъ, въ одномъ орѣхѣ

Хотѣлъ Платовъ взять ключъ, но пальцы у него были куцапые, — ловилъ,

ловилъ, — никакъ не могъ ухватить ни блохи, ни ключика отъ ея брюшнаго завода, и вдругъ разсердился и началъ ругаться словами на казацкій манеръ.

Кричалъ: — Что вы, подлецы, ничего не сдѣлали, да еще пожалуй всю вещь испортили! Я вамъ головы сниму!

А туляки ему въ отвѣтъ:

— Напрасно такъ насъ обижаютъ, — мы отъ васъ, какъ отъ государева посла, всѣ обиды должны стерпѣть, но только за то, что вы въ насъ усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны, — мы вамъ секрета нашей работы теперь не скажемъ, а извольте къ государю отвезти — онъ увидитъ: каковы мы у него люди, и есть ли ему за насъ постыжденіе.

А Платовъ крикнулъ:

— Ну, такъ врите же вы, подлецы, я съ вами такъ не разстануся, а одинъ изъ васъ со мною въ Петербургъ поѣдетъ,

и я его тамъ допытаюся, какія есть ваши хитрости.

И съ этимъ протянулъ руку, схватилъ своими куцапыми пальцами за шиворотокъ косога лѣвшу, такъ что у того

всѣ крючечки отъ казакина отлетѣли, и кинулъ его къ себѣ въ коляску въ ноги.

— Сиди, — говоритъ, — здѣсь до самага Петербурга въ родѣ пубеля, — ты мнѣ за всѣхъ отвѣтишь. А вы, — говоритъ свистовымъ, — теперь гайда! Не зѣвайте! Чтобы послѣ-завтра я въ Петербургѣ у государя былъ!

Мастера ему только осмѣлились ска-

зять за товарища, что какъ же, молъ, вы его отъ насъ такъ безъ тугамента увозите? ему нельзя будетъ назадъ слѣдовать! А Платовъ имъ вмѣсто отвѣта показалъ кулакъ, такой страшный—буг-

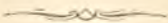

ровый и весь изрубленный, кое-какъ сросся,—и, погрозивши, говоритъ: — Вотъ вамъ тугаментъ!

А казакамъ говоритъ: — Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони,—все вразъ заработало, и умчали лѣвшу безъ тугамента, а черезъ день, какъ приказалъ Платовъ, такъ его и подкатили къ государеву дворцу, и даже, раскакавшись какъ слѣдуетъ—мимо колоннъ проѣхали.

Платовъ всталъ, подцѣпилъ на себя ордена и пошелъ къ государю, а косога лѣвшу велѣлъ свистовымъ казакамъ при подѣздѣ караулить.

XI.

Платовъ боялся къ государю на глаза показаться, потому что Николай Павловичъ былъ ужасно какой замѣчательный и памятный—ничего не забывалъ. Платовъ зналъ, что онъ непременно его о блохѣ спросить. И вотъ онъ, хоть никакого въ свѣтѣ непріятеля не пугался, а тутъ струсилъ: вошелъ во дворецъ со шкатулочкою, да потихонечку ее въ залъ за печкой и поставилъ. Спрятавши шкатулку, Платовъ предсталъ къ государю въ кабинетъ и началъ поскорѣе докладывать, какіе у казаковъ на тихомъ Дону междоусобные разговоры. Думалъ онъ такъ, чтобы этимъ государя занять, и

тогда, если государь самъ вспомнить и заговорить про блоху, надо подать и отвѣтствовать; а если не заговорить, то промолчать; шкатулку кабинетному камердинеру велѣтъ спрятать, а тульскаго лѣвшу въ крѣпостной казематъ безъ срока посадить, чтобы посидѣлъ тамъ до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павловичъ ни о чемъ не забывалъ, и чуть Платовъ насчетъ междоусобныхъ разговоровъ кончилъ, онъ его сейчасъ же и спрашиваетъ:

— А что же, какъ мои тульскіе мастера противъ аглицкой нимфозоріи себя оправдали?

Платовъ отвѣчалъ въ томъ родѣ, какъ ему дѣло казалось.

— Нимфозорія, — говоритъ, — ваше величество, все въ томъ же пространствѣ, и я ее назадъ привезъ, а тульскіе мастера ничего удивительнѣе сдѣлать не могли.

Государь отвѣтилъ:

— Ты — старикъ мужественный, а этого, что ты мнѣ докладываешь, быть не можетъ.

Платовъ его сталъ увѣрять и рассказать, какъ все дѣло было, и какъ досказалъ до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павловичъ его по плечу хлопнулъ и говорить:

— Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могутъ обманывать. Тутъ что-нибудь сверхъ понятія сдѣлано.

ХІІ.

Вынесли изъ-за печки шкатулку, сняли съ нея суконный покровъ, открыли золотую табакерку и бриллиантовый орѣхъ,—а въ немъ блоха лежитъ, какая прежде была и какъ лежала.

Государь посмотрѣлъ и сказалъ:—Что за лихо!—но вѣры своей въ русскихъ мастеровъ не убавилъ, а велѣлъ позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказалъ ей:

— У тебя на рукахъ персты тонкіе — возьми маленькій ключикъ и заведи поскорѣе въ этой нимфозоріи брюшную машинку.

Принцесса стала крутить ключикомъ, и блоха сейчасъ усиками зашевелила, но ногами не трогаетъ. Александра Николаевна весь заводъ натянула, а нимфозорія все-таки ни дансе не танцуетъ и ни одной вѣрояціи, какъ прежде, не выкидываетъ.

Платовъ весь позеленѣлъ и закричалъ:

— Ахъ они шельмы собаческія! теперь понимаю, зачѣмъ они ничего мнѣ тамъ сказать не хотѣли. Хорошо еще, что я одного ихняго дурака съ собой захватилъ.

Съ этими словами выбѣжалъ на подъѣздъ, словилъ лѣвшу за волосы и началъ туда-сюда трепать такъ, что клочья полетѣли. А тотъ, когда его Платовъ пересталъ бить, поправился и говоритъ:

— У меня и такъ всѣ волосья при учобѣ выдраны, а не знаю теперь, за какую надобность надо мною такое повтореніе?

— Это за то,—говоритъ Платовъ,— что я на васъ надѣялся и заручался, а вы рѣдкостную вещь испортили.

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Мы много довольны, что ты за насъ ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, въ самый сильный мелкоскопъ смотрите.

Платовъ назадъ побѣждалъ, про мелкоскопъ сказывать, а лѣвшѣ только погрозился:

— Я тебѣ,—говоритъ,—такой-сякой-этакой, еще задамъ!

И велѣлъ свистовымъ, чтобы лѣвшѣ еще крѣпче локти назадъ закрутить, а самъ поднимается по ступенямъ, запыхался и читаетъ молитву: «Благого Царя Благая Мати, пречистая и чистая», и

дальше какъ надобно.—А царедворцы, которые на ступеняхъ стоятъ, всѣ отъ него отворачиваются, думаютъ: попался Платовъ, и сейчасъ его изъ дворца вонъ погонять,—потому они его терпѣть не могли за храбрость.

ХІІІ.

Какъ довелъ Платовъ лѣвшины слова государю, тотъ сейчасъ съ радостію говоритъ:

— Я знаю, что мои русскіе люди меня не обманутъ!—и приказалъ подать мелкоскопъ на подушкѣ.

Въ ту же минуту мелкоскопъ былъ поданъ, и государь взялъ блоху и положилъ ее подъ стекло сначала кверху спинкою, потомъ бочкомъ, потомъ пузичкомъ,—словомъ сказать, на всѣ стороны ее повернули, а видѣтъ нечего. Но государь и тутъ своей вѣры не потерялъ, а только сказалъ:

— Привести сейчасъ ко мнѣ сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платовъ докладываетъ:

— Его бы приодѣтъ надо, — онъ въ чемъ былъ взять, и теперь очень въ зломъ видѣ.

А государь отвѣчаетъ:

— Ничего — ввести какъ онъ есть.

Платовъ говоритъ:

— Вотъ иди теперь самъ, такой-этакой, передъ очами государю отвѣчай.

А лѣвша отвѣчаетъ.

— Что-жъ такой, и пойду, и отвѣчу.

Идетъ въ чемъ былъ: въ опорочкахъ, одна штанина въ сапогѣ, другая мотается, а озямчикъ старенькій, крючечки не застегаются, порастеряны, а шиворотъ разорванъ; но ничего, не конфузится.

«Что же такое? — думаетъ:—если государю угодно меня видѣть—я долженъ идти; а если при мнѣ тугаamenta нѣтъ,—такъ я тому не причиненъ, и скажу, отчего такъ дѣло было».

Какъ взошелъ лѣвша и поклонился, государь ему сейчасъ и говоритъ:

— Что это такое, братецъ, значить, что мы и такъ, и этакъ смотрѣли, и подъ мелкоскопъ клали, а ничего замѣчательнаго не усматриваемъ?

А лѣвша отвѣчаетъ:

— Такъ ли вы, ваше величество, изволили смотрѣть?

Вельможи ему киваютъ: дескать, не такъ говоришь!—а онъ не понимаетъ, какъ надо по придворному—съ лестью или съ хитростью, а говоритъ просто.

Государь говоритъ:

— Оставьте надъ нимъ мудрить, — пусть его отвѣчаетъ, какъ онъ умѣетъ.

И сейчасъ ему пояснилъ:

— Мы,—говоритъ,—вотъ какъ клали! —и положилъ блоху подъ мелкоскопъ. —Смотри,—говоритъ,—самъ: ничего не видно.

Лѣвшя отвѣчаетъ:

— Этакъ, ваше величество, ничего и не возможно видѣть, потому что наша работа противътакого размѣра гораздо секретнѣе.

Государь спросилъ:

— А какъ же надо?

— Надо,—говоритъ,—всего одну ея ножку въ подробности подъ весь мелкоскопъ подвести и отдѣльно смотрѣть на всякую пяточку, которой она ступаетъ.

— Помилуй, скажи, — говорить государь: — это уже очень сильно мелко!

— А что же дѣлать, — отвѣчаетъ лѣвшя: — если только такъ нашу работу и замѣтить можно: тогда все удивленіе и окажется.

Положили, какъ лѣвшя сказалъ, и государь какъ только глянулъ въ верхнее стекло, такъ весь и просіялъ, — взялъ лѣвшю, какой онъ былъ неубранный и въ пыли неумытый, — обнялъ его и поцѣловалъ, а потомъ обернулся ко всѣмъ придворнымъ и сказалъ:

— Видите, я лучше всѣхъ зналъ, что мои русскіе меня не обманутъ. Смотрите пожалуйста: вѣдь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

XIV.

Стали всѣ подходить и смотрѣть: блоха дѣйствительно была на всѣ ноги подкована на настоящія подковы; а лѣвшя доложилъ, что и это еще не все удивительное.

— Если бы,—говорить,—былъ лучше мелкоскопъ, который въ пять милліоновъ увеличиваетъ, такъ вы изволили бы,—говорить,—увидать, что на каждой подковинкѣ мастерово имя выставлено: какой русскій мастеръ ту подковку дѣлалъ.

— И твое имя тутъ есть?—спросилъ государь.

— Никакъ нѣтъ, — отвѣчалъ лѣвша: — моего одного и нѣтъ.

— Почему же?

— А потому, — говоритъ, — что я мельче этихъ подковакъ работалъ: я гвоздики выковалъ, которыми подковки забиты, — тамъ уже никакой мелкоскопъ взять не можетъ.

Государь спросилъ:

— Гдѣ же вашъ мелкоскопъ, съ которымъ вы могли произвести это удивленіе?

А лѣвша отвѣтилъ:

— Мы люди бѣдные и по бѣдности своей мелкоскопа не имѣемъ, а у насъ такъ глазъ пристрѣлямши.

Тутъ и другіе придворные, видя, что лѣвши дѣло выгорѣло, начали его цѣловать, а Платовъ ему сто рублей далъ и говоритъ:

— Прости меня, братаецъ, что я тебя за волосья отодралъ.

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Богъ простить — это намъ не впервые такой снѣгъ на голову.

А больше и говорить не сталъ, да и некогда ему было ни съ кѣмъ разговаривать, потому что государь приказалъ сейчасъ же эту подкованную нимфозорію уложить и отослать назадъ въ Англію, — въ родѣ подарка, чтобы тамъ поняли, что намъ это не удивительно. И велѣлъ государь, чтобы везъ блоху особый курьеръ, который на всѣ языки ученъ, а при немъ чтобы и лѣвша находился, и чтобы онъ самъ англичанамъ могъ показать работу и каковыя у насъ въ Тулѣ мастера есть.

Платовъ его перекрестилъ:

— Пусть, — говоритъ, — надъ тобою будетъ благословеніе, а на дорогу я тебѣ моей собственной кислярки пришлю. Не пей мало, не пей много, а пей средственно.

Такъ и сдѣлалъ, — прислалъ.

А графъ Кисельворде велѣлъ, чтобы обмыли лѣвшу въ Туляковскихъ всенародныхъ баняхъ, остригли въ парикмахерской и одѣли въ парадный кафтанъ съ придворнаго пѣвчаго, для того

дабы похоже было, будто и на немъ какой-нибудь жалованный чинъ есть.

Какъ его такимъ манеромъ обформовали, напоили на дорогу чаемъ съ Платовскою кисляркою, затянули ремennemъ поясомъ какъ можно туже, чтобы

кишки не тряслись и не бултыхались, и повезли въ Лондонъ. Отсюда съ лѣвшой и пошли за-граничные виды.

— А ДС —

XV.

Фхали курьеръ съ лѣвшою очень скоро, такъ что отъ Петербурга до Лондона нигдѣ отдыхать не останавливались, а только на каждой станціи пояса на одинъ значокъ еще уже перетягивали, чтобы кишки съ легкими не перепутались; но какъ лѣвшѣ послѣ представленія государю по Платовскому приказанію отъ казны винная порція въ волю

полагалась, то онъ, не ѣвши, этимъ однимъ себя поддерживалъ и на всю Европу русскія пѣсни пѣлъ, только припѣвъ дѣлалъ по иностранному: *«ай люи — се тре жули»*.

Курьеръ какъ привезъ его въ Лондонъ, такъ появился кому надо и отдалъ шкатулку, а лѣвшу въ гостиницѣ въ номеръ посадилъ; но ему тутъ скоро скучно стало, да и ѣсть захотѣлось. Онъ постучалъ въ дверь и показалъ служающему себѣ на ротъ, а тотъ сейчасъ его и свелъ въ пищепріемную комнату.

Сѣлъ тутъ лѣвша за столъ и сидитъ, а какъ чего-нибудь по англиски спросить — не умѣетъ. Но потомъ догадался: опять просто по столу перстомъ постучитъ да въ ротъ себѣ покажетъ, — англичане догадываются и подаютъ, только не всегда того, что надобно; но онъ что ему неподходящее — не принимаетъ.

Подали ему ихняго приготовленія горячій студингъ въ огнѣ, — онъ говоритъ: — Это я не знаю, чтобы такое можно ѣсть! — и вкушать не сталъ. Они ему перемѣнили и другого кушанья поставили. Также и водки ихъ пить не сталъ, потому что она зеленая — въ родѣ какъ будто купоросомъ заправлена, а выбралъ что всего натуральнѣе и ждетъ курьера въ прохладѣ за баклажечкой.

А тѣ лица, которымъ курьеръ нимфозорію сдалъ, сію же минуту ее разсмотрѣли въ самый сильный мелкоскопъ и сейчасъ въ публицейскія вѣдомости описаніе, чтобы завтра же на всеобщее извѣстіе клеветонъ вышелъ.

— А самого этого мастера, — говорятъ, — мы сейчасъ хотимъ видѣть.

Курьеръ ихъ припроводилъ въ номеръ, а оттуда въ пищепріемную залу, гдѣ нашъ лѣвша порядочно уже подурмянился, и говоритъ:

— Вотъ онъ!

Англичане лѣвшу сейчасъ хлопъ-хлопъ по плечу и какъ ровнаго себѣ—за руки:

— Камрадъ, — говорятъ, — камрадъ—хорошій мастеръ,—разговаривать съ тобой со временемъ послѣ будемъ, а теперь выпьемъ за твое благополучіе.

Спросили много вина, и лѣвшѣ первую чарку; а онъ съ вѣжливостью первый пить не сталъ—думаетъ: «можетъ быть, отравить съ досады хотите».

— Нѣтъ, — говоритъ, — это не порядокъ: и въ Польшѣ нѣтъ хозяина больше, — сами впередъ кушайте.

Англичане всѣхъ винъ передъ нимъ опробовали и тогда ему стали наливать. Онъ всталъ, лѣвой рукою перекрестился и за всѣхъ ихъ здоровье выпилъ.

Они замѣтили, что онъ лѣвой рукою крестится, и спрашиваютъ у курьера:

— Что онъ, лютеранецъ или протестантистъ?

Курьеръ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, онъ не лютеранецъ и не протестантистъ, а русской вѣры.

— А зачѣмъ же онъ лѣвой рукой крестится?

Курьеръ сказалъ:

— Онъ — лѣвша и все лѣвой рукой дѣлаеть.

Англичане еще болѣе стали удивляться и начали накачивать виномъ и лѣвшу, и курьера, и такъ цѣлые три дня обходилися, а потомъ говорятъ:—Теперь довольно.—По симфону воды съ ерфиксомъ приняли и, совсѣмъ освѣжѣвши, начали спрашивать лѣвшу: гдѣ онъ и чему учился и до какихъ поръ ариѳметику знаетъ?

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Наша наука простая: по Псалтырю да по Полусоннику, а ариѳметики мы ни мало не знаемъ.

Англичане переглянулись и говорятъ:

— Это удивительно.

А лѣвша имъ отвѣчаетъ:

— У насъ это повсемѣстно такъ.

— А что же это, — спрашиваютъ, — за книга въ Россіи: «Полусонникъ»?

— Это, — говоритъ, — книга къ тому относящая, что если въ Псалтырѣ что-нибудь насчетъ гаданья царь Давидъ неявно открылъ, то въ Полусонникѣ угадываютъ дополненіе.

Они говорятъ:

— Это жалко; лучше бы, еслибъ вы изъ ариѳметики по крайности хоть четыре правила сложенія знали, — то бы вамъ было гораздо пользительнѣе, чѣмъ весь Полусонникъ. Тогда бы вы могли сообразить, что въ каждой машинѣ расчетъ силы есть; а то вотъ хоша вы очень въ рукахъ искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, какъ въ нимфозоріи, на самую аккуратную точность рассчитана и ея подко-

вокъ несть не можетъ. Черезъ это теперь нимфозорія и не прыгаетъ, и дансе не танцуетъ.

Лѣвша согласился.

— Объ этомъ, — говоритъ, — спору нѣтъ, что мы въ наукахъ не зашлись, но только своему отечеству вѣрно преданные.

А англичане сказываютъ ему:

— Оставайтесь у насъ, мы вамъ большую образованность передадимъ, и изъ васъ удивительный мастеръ выйдетъ.

Но на это лѣвша не согласился.

— У меня, — говоритъ, — дома родители есть.

Англичане назвались, чтобы его родителямъ деньги посылать; но лѣвша не взялъ.

— Мы, — говоритъ, — къ своей родинѣ привержены, и тятенька мой уже старичокъ, а родительница старушка, и привыкли въ свой приходъ въ церковь

ходить, да и мнѣ тутъ въ одиночествѣ очень скучно будетъ, потому что я еще въ холостомъ званіи.

— Вы,—говорятъ,—обвыкнете, нашъ законъ примете, и мы васъ женимъ.

— Этого,—отвѣтилъ лѣвша,—никогда быть не можетъ.

— Почему такъ?

— Потому, — отвѣчаетъ, — что наша русская вѣра самая правильная, и какъ вѣрили наши правотцы, такъ же точно должны вѣрить и потомцы.

— Вы,—говорятъ англичане, — нашей вѣрыне знаете: мы того же закона христіанскаго и то же самое Евангеліе содержимъ.

— Евангеліе, — отвѣчаетъ лѣвша, — дѣйствительно у всѣхъ одно, а только наши книги противъ вашихъ толще и вѣра у насъ полнѣе.

— Почему вы такъ это можете судить?

— У насъ тому, — отвѣчаетъ, — есть всѣ очевидныя доказательства.

— Какія?

— А такія,—говоритъ,—что у насъ есть и боготворныя иконы, и гроботочивыя главы и мощи, а у васъ ничего, и даже кромѣ одного воскресенья никакихъ экстренныхъ праздниковъ нѣтъ; а по второй причинѣ, мнѣ съ англичанкою хоть и повѣнчавшись въ законѣ жить конфузно будетъ.

— Отчего же такъ? — спрашиваютъ.
— Вы не пренебрегайте — наши тоже очень чисто одѣваются и хозяйственные.

А лѣвша говоритъ:

— Я ихъ не знаю.

Англичане отвѣчаютъ:

— Это не важно суть — узнать можете: мы вамъ грандеву сдѣлаемъ.

Лѣвша застыдился:

— Зачѣмъ,—говоритъ,—напрасно дѣвушекъ морочить! — и отнѣкался. — Грандеву,—говоритъ,—это дѣло господское, а намъ нейдетъ; и если объ этомъ дома,

въ Тулѣ узнають, надо мною большую насмѣшку сдѣлають.

Англичане полюбопытствовали:

— А если, — говорятъ, — безъ грандеву, то какъ же у васъ въ такихъ случаяхъ

поступаютъ, чтобы пріятный выборъ сдѣлать?

Лѣвша имъ объяснилъ наше положеніе.

— У насъ, — говоритъ, — когда чело-
вѣкъ хочетъ насчетъ дѣвушки обстоятель-
ное намѣреніе обнаружить, посылаетъ раз-
говорную женщину, и какъ она пред-

логъ сдѣлаеть, тогда вмѣстѣ въ домъ идутъ вѣжливо, и дѣвушку смотрять не таясь, а при всей родственности.

Они поняли, но отвѣчали, что у нихъ разговорныхъ женщинъ нѣтъ и такого обыкновенія не водится; а лѣвша говоритъ:

— Это гѣмъ и пріятнѣе, потому что такимъ дѣломъ если заняться, то надо съ обстоятельнымъ намѣреніемъ; а какъ я сего къ чужой нации не чувствую, то зачѣмъ дѣвушекъ морочить!

Онъ англичанамъ и въ этихъ своихъ сужденіяхъ понравился, такъ что они его опять пошли по плечамъ и по колѣнямъ съ пріятствомъ ладошками охлопывать, а сами спрашиваютъ:

— Мы бы,—говорять,—только черезъ одно любопытство знать желали: какія вы порочныя примѣты въ нашихъ дѣвицахъ примѣтили, и за что ихъ обѣгаете?

Тутъ лѣвша имъ уже откровенно отвѣтилъ:

— Я ихъ не порочу, а только мнѣ то не нравится, что одежда на нихъ какъ-то машется, и не разобрать, что такое надѣто и для какой надобности; тутъ одно-что нибудь, а ниже еще другое пришилино, а на рукахъ какія-то ногавочки. Совсѣмъ точно обезьяна—сапажу—плисовая тальма.

Англичане засмѣялись и говорятъ:

— Какое же вамъ въ этомъ препятствіе?

— Препятствія, — отвѣчаетъ лѣвша, — нѣтъ, а только опасуюсь, что стыдно будетъ смотрѣть и дожидаться, какъ она изо всего изъ этого разбираться станетъ.

— Неужели же, — говорятъ, — вашъ фасонъ лучше?

— Нашъ фасонъ, — отвѣчаетъ, — въ Тулѣ простой: всякая въ своихъ кружев-

цахъ, и наши кружева даже и большія дамы носятъ.

Они его тоже и своимъ дамамъ казали, и тамъ ему чай наливали и спрашивали:

— Для чего вы морщитесь?

Онъ отвѣчалъ:

— Мы,—говоритъ,—очень сладко не приучены.

Тогда ему по-русски въ прикуску подали.

Имъ показывается, что этакъ будто хуже, а онъ говоритъ:

— На нашъ вкусъ этакъ вкуснѣе.

Ничѣмъ его англичане не могли сбить, чтобы онъ на ихъ жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они его въ это время по разнымъ заводамъ водить будутъ и все свое искусство покажутъ.

— А потомъ,—говорятъ,—мы его на

своємъ кораблѣ привеземъ и живого въ
Петербургъ доставимъ.

На это онъ согласился.

XVI.

Взяли англичане лѣвшу на свои руки, а русскаго курьера назадъ въ Россію отправили. Курьеръ хотя и чинъ имѣлъ, и на разные языки былъ ученъ, но они имъ не интересовались, а лѣвшою интересовались,—и пошли они лѣвшу водить и все ему показывать. Онъ смотрѣлъ все ихъ производство и металлическія фабрики, и мыльно-пильные заводы, и всѣ хозяйственные порядки ихъ ему очень нравились, особенно насчетъ рабочаго содержанія. Всякій работникъ у нихъ постоянно въ сытости, одѣтъ не въ обрывкахъ, а на каждомъ способный ту-журный жилетъ, обуть въ толстые щиглеты съ желѣзными набалдашниками,

чтобы нигдѣ ноги ни на что не напороть; работаетъ не съ бойломъ, а съ обученіемъ, и имѣетъ себѣ понятія. Передъ каждымъ на виду виситъ долбица

умноженія, а подъ рукою стирабельная дощечка: все, что который мастеръ дѣлаетъ — на долбицу смотритъ и съ понятіемъ свѣряетъ, а потомъ на дощечкѣ одно пишетъ, другое стираетъ и въ аккуратъ сводитъ: что на цифирахъ написано, то и на дѣлѣ выходитъ. А придетъ празд-

никъ, соберутся по парочкѣ, возьмутъ въ руки по палочкѣ и идутъ гулять, чинно-благородно, какъ слѣдуетъ.

Лѣвша на все ихъ житье и на всѣ ихъ работы насмотрѣлся, но больше всего вниманіе обращалъ на такой предметъ, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, какъ новыя ружья дѣлаютъ, сколь то, какъ старыя въ какомъ видѣ состоятъ. Все обойдетъ и хвалитъ, и говоритъ:—Это и мы такъ можемъ!—а какъ до стараго ружья дойдетъ,—засунетъ палецъ въ дуло, поводитъ по стѣнкамъ и вздохнетъ:

— Это,—говоритъ,—противъ нашего не въ примѣръ превосходнѣйше.

Англичане никакъ не могли отгадать, что такое лѣвша замѣчаетъ, а онъ спрашиваетъ:

— Не могу ли,—говоритъ,—я знать, что наши генералы это когда-нибудь глядѣли или нѣтъ?

Ему говорятъ:

— Которые тутъ были, тѣ, должно быть, глядѣли.

— А какъ, — говоритъ, — они были: въ перчаткѣ или безъ перчатки?

— Ваши генералы, — говорятъ, — парадные, они всегда въ перчаткахъ ходятъ; значить, и здѣсь такъ были.

Лѣвшя ничего не сказалъ. Но вдругъ началъ безпокойно скучать. Затосковалъ и затосковалъ, и говоритъ англичанамъ:

— Покорно благодарствуйте на всемъ угощеніи, и я всѣмъ у васъ очень доволенъ, и все, что мнѣ нужно было видѣть, уже видѣлъ, а теперь я скорѣе домой хочу.

Никакъ его болѣе удержать не могли. По сушѣ его пустить нельзя, потому что онъ на всѣ языки не умѣлъ, а по водѣ плыть нехорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но онъ присталъ: «Отпустите».

— Мы на буреметръ, — говорятъ, —

смотрѣли: буря будетъ,—потонуть можешь; это вѣдь не то, что у васъ Финскій заливъ, а тутъ настоящее Твердиземное море.

— Это все равно, — отвѣчаетъ: — гдѣ умереть — все единственно, воля Божія, а я желаю скорѣе въ родное мѣсто, потому что иначе я могу родъ помѣшательства достать.

Его силою не удерживали: наплатили, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы съ трепетиромъ, а для морской прохлады на поздній осенній путь дали байковое пальто съ вѣтряной нахлобучкою на голову. Очень тепло одѣли и отвезли лѣвшу на корабль, который въ Россію шелъ. Тутъ помѣстили лѣвшу въ лучшемъ видѣ, какъ настоящаго барина, но онъ съ другими господами въ закрытіи сидѣть не любилъ и совѣстился, а уйдетъ на палубу, подъ презентъ сядетъ и спроситъ: «Гдѣ

наша Россія?» Англичанинъ, котораго онъ спрашиваетъ, рукою ему въ ту сторону покажетъ или головою махнетъ, а онъ туда лицомъ оборотится и нетерпѣливо въ родную сторону смотритъ.

Какъ вышли изъ буфты въ Тверди-земное море, такъ стремленіе его къ Россіи такое сдѣлалось, что никакъ его нельзя было успокоить. Водопленіе стало ужасное, а лѣвша все внизъ въ каюты нейдетъ, —подъ презентомъ сидитъ, нахлобучку надвинулъ и къ отечеству смотритъ.

Много разъ англичане приходили его въ теплое мѣсто внизъ звать, но онъ, чтобы ему не докучали, даже отлыгаться началъ.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ, — мнѣ тутъ наружи лучше; а то со мною подъ крышей отъ колтыханія морская свинка сдѣлается.

Такъ все время и не сходилъ до особаго случая, и черезъ это очень понравился одному полшкиперу, который на горе нашего лѣвши умѣлъ по-русски

говорить. Этотъ полшкиперъ не могъ надивиться, что русскій сухопутный чело-
вѣкъ и такъ всѣ непогоды выдерживаетъ.

— Молодецъ,—говорить,—русь! вы-
пьемъ!

Лѣвша выпилъ.

А полшкиперъ говоритъ:—Еще!

Лѣвша и еще выпилъ, и напились.

Полшкиперъ его и спрашиваетъ:

— Ты какой отъ нашего государства
въ Россію секретъ везешь?

Лѣвша отвѣчаетъ:—Это мое дѣло.

— А если такъ,—отвѣчалъ полшки-
перъ,—такъ давай держать съ тобой
аглицкое парей.

Лѣвша спрашиваетъ:—Какое?

— Такое, чтобы ничего въ одиночку
не пить, а всего пить за-равно: что
одинъ, то непременно и другой, и кто
кого перепьетъ, того и горка.

Лѣвша думаетъ: «Небо тучится, брюхо
пучится,—скука большая, а путина длин-

ная и родного мѣста за волною не видно — парей держать все-таки веселѣе будетъ».

— Хорошо, — говоритъ, — идетъ!

— Только чтобъ честно.

— Да ужъ это, — говоритъ, — не безпокойтесь.

Согласились и по рукамъ ударили.

XVII.

Началось у нихъ пари еще въ Твердиземномъ морѣ, и пили они до рижскаго Динаминде, но шли все наравнѣ и другъ другу не уступали, и до того аккуратно равнялись, что когда одинъ, глянувъ въ море, увидалъ, какъ изъ воды чортъ лѣзетъ такъ сейчасъ то же самое и другому объявилось. Только полшкиперъ видитъ чорта рыжаго, а лѣвша говоритъ, будто онъ темень, какъ Муринь.

Лѣвша говоритъ: — Перекрестись и отворотись — это чортъ изъ пучины! — а англичанинъ спорить, что «это морской водоглазь».

— Хочешь, — говоритъ, — я тебя въ

море швырну? Ты не бойся, — онъ мнѣ тебя сейчасъ назадъ подастъ.

А лѣвша отвѣчаетъ:
— Если такъ, то швыряй.

Полшкиперъ его взялъ на закорки и понесъ къ борту.

Матросы это увидали, остановили ихъ и доложили капитану, а тотъ велѣлъ ихъ обоихъ внизъ запереть и дать имъ рому и вина и холодной пищи, чтобы могли и пить, и ѣсть, и свой парей выдержать, — а горячаго студингу съ огнемъ имъ не подавать, потому что у нихъ въ нутрѣ можетъ спиртъ загорѣться.

Такъ ихъ и привезли взаперти до Петербурга, и пари изъ нихъ ни одинъ другъ у друга не выигралъ; а тутъ расклали ихъ на разныя повозки и повезли англичанина въ посланнической домъ на Аглицкую набережную, а лѣвшу — въ участокъ.

Отсюда судьба ихъ начала сильно разниться.

XVIII.

Англичанина какъ привезли въ посольскій домъ —сейчасъ сразу позвали къ нему лекаря и аптекаря. Лекарь велѣлъ его при себѣ въ теплую ванну всадить, а аптекарь сейчасъ же скаталъ гутаперчевую пилюлю и самъ въ ротъ ему всунулъ, а потомъ оба вмѣстѣ взялись и положили на перину и сверху шубой покрыли и оставили потѣть; а чтобы ему никто не мѣшалъ, по всему посольству приказъ данъ, чтобы никто чихать не смѣлъ. Дождались лекарь съ аптекаремъ, пока полшкиперъ заснулъ, и тогда другую гутаперчевую пилюлю ему приготовили, —возлѣ его взголовья на столикъ положили и ушли.

А лѣвшу свалили въ участкѣ на полѣ и спрашиваютъ:

— Кто такой и откуда, и есть ли паспортъ или какой другой тугаментъ?

А онъ отъ болѣзни, отъ питья и отъ долгаго колтыханья такъ ослабѣлъ, что ни слова не отвѣчаетъ, а только стонетъ.

Тогда его сейчасъ обыскали, пестрое платье съ него сняли и часы съ трепетиромъ и деньги обрали, а самого приставъ велѣлъ на встрѣчномъ извозчикѣ бесплатно въ больницу отправить.

Повелъ городской лѣвшу на санки сажать, да долго ни одного встрѣчника поймать не могъ: потому извозчики отъ полицейскихъ бѣгаютъ. А лѣвша все это время на холодномъ паратѣ лежалъ. Потомъ поймалъ городской извозчика, только безъ теплой лисы, потому что они лису въ саняхъ въ такомъ разѣ подъ себя прячутъ, чтобы у полицейскихъ

скорѣй ноги стыли. Везли лѣвшу такъ непокрытаго, да какъ съ одного извозчика на другого стануть пересаживать, все роняють, а поднимать стануть—ухи ему рвутъ, какъ надобно, чтобы въ па-

мять пришелъ. Привезли въ одну больницу — не принимаютъ безъ тугамента; привезли въ другую—и тамъ не принимаютъ, и такъ въ третью, и въ четвер-

тую, — до самаго утра его по всѣмъ отдаленнымъ кривопуткамъ таскали и все пересаживали, такъ что онъ весь избился. Тогда одинъ подлекарь сказалъ городовому везти его въ простонародную Обухвинскую больницу — гдѣ невѣдомаго сословія всѣхъ умирать принимаютъ.

Тутъ велѣли росписку дать, а лѣвшу до разборки на полу въ коридоръ посадить.

А англицкій полшкиперъ въ это самое время на другой день всталъ, другую гутаперчевую пилюлю въ нутро проглотилъ, на легкій завтракъ курицу съ рысью съѣлъ, эрфиксомъ запилъ и говоритъ:

— Гдѣ мой русскій камрадъ? Я его искать пойду.

Одѣлся и побѣжалъ.

XIX.

Удивительнымъ манеромъ полшкиперъ какъ-то очень скоро лѣвшу нашель; только его еще на кровать не уложили, а онъ въ коридорѣ на полу лежалъ и жаловался англичанину.

— Мнѣ бы. — говоритъ, — два слова государю непременно надо сказать.

Англичанинъ побѣжалъ къ графу Клейнмихелю и зашумѣлъ:

— Развѣ такъ можно! У него, — говоритъ, — хоть и шуба овечкина, такъ душа человѣкина.

Англичанина сейчасъ оттуда за это разсужденіе вонъ — чтобы не смѣлъ

поминать душу человѣчкину. А потомъ ему кто-то сказалъ:

— Сходилъ бы ты лучше къ казаку Платову,—онъ простыя чувства имѣетъ.

Англичанинъ достигъ Платова, который теперь опять на укушеткѣ лежалъ. Платовъ его выслушалъ и про лѣвшу вспомнилъ.

— Какъ же, братецъ, — говоритъ, — очень коротко съ нимъ знакомъ, — даже за волосья его таскалъ, — а вотъ какъ ему въ такомъ несчастномъ разѣ помочь — этого не знаю, потому что я уже до всего дослужился и полную пуплекцію получилъ, — теперь меня больше не уважаютъ, — а ты бѣги скорѣе къ коменданту Скобелеву, онъ въ силахъ и тоже въ этой части опытный, — онъ что-нибудь сдѣлаетъ.

Полшкиперъ пошелъ и къ Скобелеву, и все рассказалъ: какая у лѣвши болѣзнь и отчего сдѣлалась. Скобелевъ говорить:

— Я эту болѣзнь понимаю, только нѣмцы ее лечить не могутъ, а тутъ надо какого-нибудь доктора изъ духовнаго званія, потому что тѣ въ этихъ примѣрахъ выросли и помогать могутъ; я сейчасъ пошлю туда русскаго доктора Мартынъ-Сольскаго.

Но только когда Мартынъ-Сольскій пріѣхалъ, лѣвша уже кончался; потому что у него затылокъ о паратъ раскололся, и онъ одно только могъ внятно выговорить:

— Скажите государю, что у англичанъ ружья кирпичомъ не чистятъ: пусть чтобы и у насъ не чистили, а то, храни Богъ войны, они стрѣляютъ не годятся.

И съ этою вѣрностью лѣвша перекрестился и померъ.

Мартынъ-Сольскій сейчасъ же поѣхалъ, объ этомъ графу Чернышеву доложилъ, чтобы до государя довести, а графъ Чернышевъ на него закричалъ:

— Убирайся ты, — говоритъ, — клистирная трубка! Знай свое рвотное да слабительное, а не въ свое дѣло не мѣшайся—въ Россіи на это генералы есть!

Государю такъ и не сказали, и чистка все продолжалась, до самой Крымской

кампаніи. Въ тогдашнее время, какъ стали ружья заряжать, а пули въ нихъ и болтаются, потому что стволы кирпичомъ расчищены. Тутъ Мартынъ-Сольскій Чернышеву о лѣвшѣ и напомнилъ, а графъ Чернышевъ и говоритъ:

— Опять ты, клистирная трубка, не въ свое дѣло мѣшаешься! Смотри, я вѣдь во всемъ отопрусь, что никогда отъ тебя объ этомъ не слыхивалъ, — тебѣ же и достанется.

Мартынъ-Сольскій подумалъ: «и вправду отопрется», — такъ и молчалъ.

А доведи они лѣвшины слова въ свое время до государя — въ Крыму на войнѣ съ непріателемъ совсѣмъ бы другой оборотъ былъ.

XX.

Теперь все это уже — «дѣла минувшихъ дней» и «преданья старины», хотя и не глубокой, но преданія эти нѣтъ нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный складъ легенды и эпическій характеръ ея главнаго героя. Собственное имя лѣвщи, подобно именамъ многихъ величайшихъ геніевъ, навсегда утрачено для потомства; но какъ олицетворенный народною фантазіею миѳъ, онъ интересенъ, а его похождения могутъ служить воспоминаніемъ эпохи, общій духъ которой схваченъ мѣтко и вѣрно.

Такихъ мастеровъ, какъ баснословный лѣвща, теперь, разумѣется, уже нѣтъ въ Тулѣ: машины сравняли нера-

венство талантовъ и дарованій, и геній ен рвется въ борьбѣ противъ прилежанія и аккуратности. Благопріятствуя возвышенію заработка, машины не благопріятствуютъ артистической удали, которая иногда превосходила мѣру, вдохновляя народную фантазію къ сочиненію подобныхъ нынѣшней — баснословныхъ легендъ.

Работники, конечно, умѣютъ цѣнить выгоды, доставляемыя имъ практическими приспособленіями механической науки, но о прежней старинѣ они вспоминаютъ съ гордостью и любовью. Это ихъ эпосъ, и притомъ съ очень «человѣчкиной душою».

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА

ВЪ ОДИННАДЦАТИ ТОМАХЪ.

Въ вышедшихъ одиннадцати томахъ напечатаны: Т. I. „Соборяне“, „На краю свѣта“, „Запечатлѣнный авгелъ“.—Т. II. „Праведники“, „Однодумъ“, „Пигмей“, „Кадетскій монастырь“, „Русскій демократъ“, „Несмертельный Голованъ“, „Инженеры безсребренники“, „Лѣша“, „Очарованный странникъ“, „Человѣкъ на часахъ“, „Шерамуръ“.—Т. III. „Обойденные“, „Островитяне“.—Т. IV. „Некуда“.—Т. V. „Смѣхъ и Горе“, „Воительница“, „Леи Макбетъ Мценскаго уѣзда“, „Грабежъ“, „Антука“, „Кольванскій мужъ“, „Ражушанскій меламедъ“, „Бѣлый Орелъ“, „Чертогонъ“, „Пламенная Патриотка“.—Т. VI. „Захудалый родъ“. Разказы и воспоминавія: „Овдѣбыкъ“, „Безстыдникъ“, „Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ“, „Котинъ доялецъ и Платонида“, „Тунейный художникъ“, „Томленье духа“.—Т. VII. Святочные разказы: „Жемчужное ожерелье“, „Неразмѣнный рубль“, „Звѣрь“, „Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ“, „Отборное зерно“, „Обманъ“, „Штопальщикъ“, „Жидовская кувирколегія“, „Духъ госпожи Жанлисъ“, „Старый гевій“, „Путешествіе съ нигилистомъ“, „Маленькая ошибка“, „Пугало“, „Фигура“. Разказы встали: „Совѣстители“, „Старинные психопаты“, „Интересные мужчины“, „Тайнственные предвѣстія“, „Александритъ“, „Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ“, „Умершее сословіе“, „Голось природы“.—Т. VIII. „Загадочный человѣкъ“, „На ножахъ“ (ч. I, II и III).—Т. IX. „На ножахъ“ (ч. IV, V, VI и эпилогъ).—Т. X. „Гора“, „Совѣстный Данила“, „Древоколь“, „Аза“, „Скоморохъ Памфалонъ“, „Левъ старца Герасима“, „Аскалонскій злодѣй“, „Федоръ-христіанинъ и Абрамъ-жидовинъ“, „Печерскіе антики“, „Чертовы куклы“. Библиографическій указатель и портретъ автора.—Т. XI. „Чась воли Божіей“, „Полунощники“, „Юдоль“, „О квакереяхъ“, „Импровизаторы“, „Пустоплясъ“, „Дурачокъ“, „Невинный Пруденцій“, „Легендарные характеры“.

Цѣна за одиннадцать томовъ 28 рублей.

